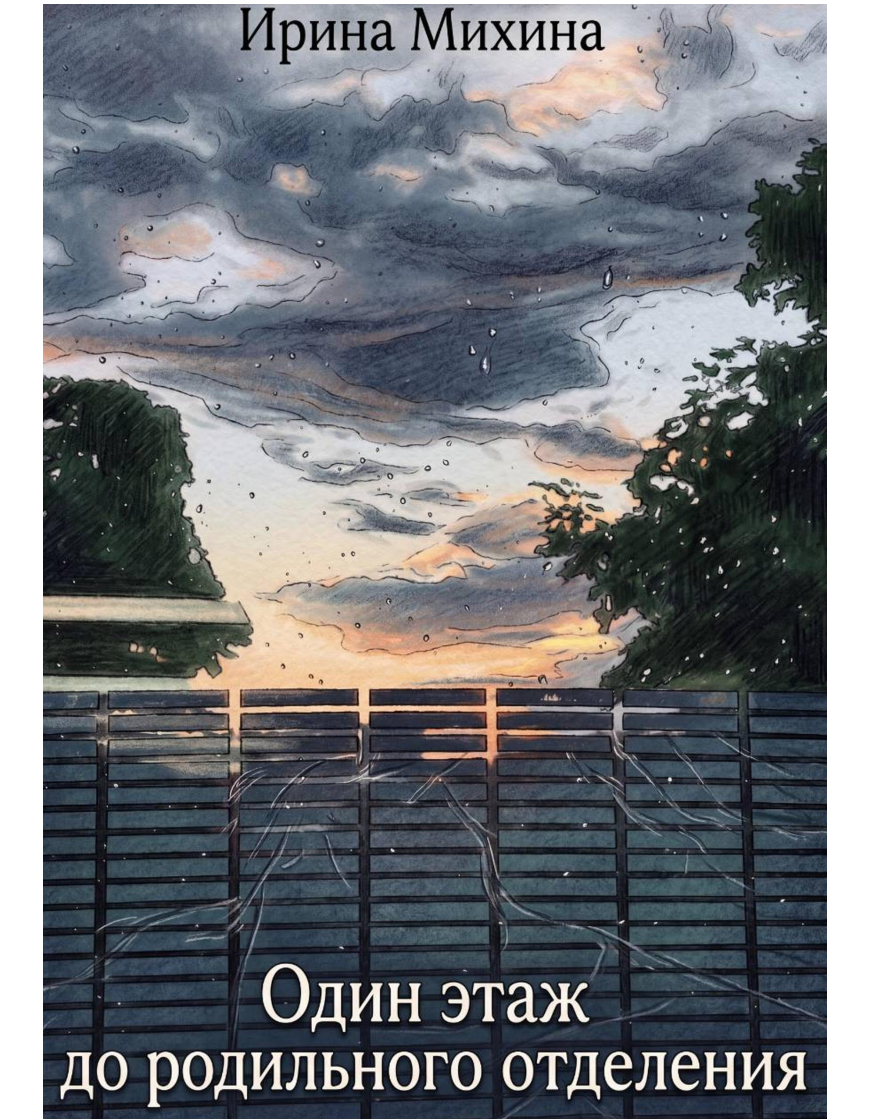

Ирина Михина

Один этаж
до родильного отделения

Ирина Михина

Один этаж до родильного отделения

<https://litres.ru/74187564>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга погружает в мир ожидания и надежд, рассказав историю нескольких женщин, оказавшихся в одном больничном отделении. Каждая из них — уникальна, с собственными страхами и мечтами, но всех их объединяет одно: стремление к материнству и преодоление трудностей, связанных с ним.

За стенами больницы формируются крепкие связи между незнакомками, которые становятся практически сестрами в борьбе за счастье. Книга затрагивает важные социальные и личные вопросы, оставляя читателя с мыслями о жизни, судьбе и силе женской солидарности.

Содержание

Вторник	4
Среда	19
Четверг	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Михина

Один этаж до родильного отделения

Вторник

Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения с реально живущими или жившими людьми случайны

Вторник

Утром заболел живот. Все сильнее, больнее, и вот - бригада скорой помощи прибыла в мою гостиную. Дежурный врач задавал вопросы.

- Значит, болит низ живота, бок и поясница?

- Да.

- Это могут быть почки, грыжа, беременность, внематочная беременность, воспаление яичника...

- И-и-ц-ника? – спросил индус, студент или, скорее, ординатор. Ординаторов из Индии приехало двое. Серьезный высокий юноша в круглых очках и хрупкая милая девушка с белоснежной улыбкой. Мой хмурый муж тоже приехал, только с работы и даже немного раньше скорой. Теперь он хмуро стоял напротив индусов и, кажется, не совсем доверял им.

- Я-ич-ник, - отчетливо проговорил доктор. – Запиши там

себе. Так, сделаем вам ЭКГ.

- Зачем ЭКГ? – спросил муж.

- Так положено.

Доктор поднялся из-за стола.

- Берите аппарат, - командовал он учениками. Они поспешно кивнули и забегали по комнате. – А вы снимайте верх.

Я забарахталась. Муж пришел на помощь и вот все, что было нужно, оголилось. Девушка с белоснежной улыбкой пощипала мои запястья и ноги, окружила мою грудь присосками, после чего прозвучало тревожное «Пи-и». Со времен строительства дома, с 50-х годов великого двадцатого века, впервые в этой квартире делали ЭКГ. Мы завершили ритуал и приступили к уколу обезболивающего средства. На этот раз настала очередь серьезного высокого юноши в круглых очках.

- Ничего сложного! – говорил ему и, как я чувствовала, мне дежурный доктор. Наверное, многие отказывались от помощи практикантов, но я и сама молодой специалист, а потому знаю, как это обидно, когда тебе не доверяют. К тому же, укол, действительно, ничего сложного, даже я могу сделать. Наступил решающий момент. – Молодец! Справился отлично!

Я выдохнула.

- Боль уменьшится, но все равно немного будет ныть, - пояснил доктор. Я согласилась. – Последнее, что мы сделаем

– Это вставим вам в вену катетер.

На этот раз я готовилась к тому, чтобы отказаться от помощи ординаторов, но доктор решил все сделать сам.

- Маленькая иголочка. Этот катетер можно ставить ребенку.

- Ребионку, - кивнула милая девушка с белоснежной улыбкой. Серьезный юноша в очках конспектировал.

- Это удобно. Мы приедем в больницу, а там вам сразу смогут поставить капельницу, взять кровь на анализ, не теряя время, - гордо подытожил доктор. Я приободрилась, драгоценные секунды у нас в карманах.

- Спасибо.

- Вы собрали вещи?

- Да. Но, быть может, меня не положат в больницу.

Доктор, сомневаясь, покачал головой, и мы направились к машине скорой помощи. По дороге практиканты обсуждали что-то. И так как мне были понятны только некоторые английские слова, я вслушивалась в интонации и всматривалась через отражение в железке под ногами носилок в активную жестикуляцию девушки. Ординаторы о чем-то спорили. Вдруг прозвучало общее, наше, то есть знакомое мне и им слово: «иицники». Было лестно ощущать себя каплей в океане международной медицины.

Шел дождь. Наша компания собралась на порожках больницы.

- Сопровождающие на улице, - ответили в окошко, похо-

жее на домофон, должно быть разглядев по камере высокий силуэт моего мужа. Я слишком походила на больную, доктор и практиканты были в форме, а вот в здоровом серьезном лице мужа обнаружили постороннего.

- Я позвоню, - бросила я напоследок и скрылась за дверью.

- Я тут буду, - успокоил муж.

Какое-то время пришлось просидеть в коридоре с несколькими другими новоприбывшими. Из-за заветной двери доносился грозный женский голос.

«Почему к нам?»

«Тест делали?»

Громче обратились ко мне.

- Шульгина, проходите!

Я прошла. Мимо меня прошел дежурный врач скорой помощи, в его взгляде читалось «Мои полномочия все».

- Идемте. Сейчас мы вас посмотрим. Кладите паспорт. Идемте. Полис есть? Да идемте же, идемте. Переобувайтесь.

Мы зашли в туалет. Мне протянули тест и баночку.

- Сделаете тест – не выкидывайте, баночку поставите на биде, тест положите на упаковку и принесите мне.

Сделала тест и понесла на проверку.

- Ну а упаковка где? Я же говорю, девушка. Упаковочку вместе с тестом.

Я вернулась за упаковкой. Вновь отправилась на проверку.

- Отрицательный, - пожала плечами медсестра.

- Может, еще появится, - понадеялась я.

- Возможно.

Мы ждали.

- Пока давайте сделаем вам УЗИ. Быть может, это что-то другое.

В этот момент в дверях появилась высокая худая девушка с бледным лицом.

- Меня привезли на скорой. Живот болит.

- Я пока заполню документы, - предложила я, боль отступала.

- Хорошо. А вы пока присядьте.

Я вышла заполнять бланки о том, что даю согласие на лечение. Из-за двери слышался разговор.

«Говорить можешь?»

«Да...»

«Слышишь нас?»

Медсестра выглянула в коридор.

- С кем девушка?

- Со мной, - ответила пожилая женщина с короткой стрижкой, в джинсах и дутой куртке.

- А вы кто?

- Я бабушка. Мамы нет, папа бросил...

- Сколько лет девочке?

- Двенадцать.

- Двенадцать?! – глаза медсестры округлились. Я тоже почему-то перестала заполнять бланки. – Лиль, ей двенадцать!

- Как двенадцать? Я думала лет восемнадцать.

- Так мы вообще не можем...

- Так это не к нам!

Началась возня. Бабушка девочки маялась, маялась и, наконец, открыла дверь.

- В чем дело? Мы, может, не туда приехали?

- Все в порядке, - отозвалась медсестра. – Сейчас придет дежурный врач. Девушка! – обратилась она ко мне. – Заполнили.

Я и бабушка девочки встретились взглядами.

- Заполнила, - виновато сообщила я.

- Проходите.

На УЗИ в моем яичнике нашли кисту. Ситуация серьезная. Началось лечение, но сперва мне сообщили о забытых в коридоре кроссовках.

- Сможете сами забрать?

Я могла. Сил придавало обезболивающее. Путь к кроссовкам лежал через комнатку, что-то вроде «приемной», где все еще находилась двенадцатилетняя пациентка, медсестры, к ним присоединился дежурный врач.

- Ты половой жизнью живешь?

- Нет.

- Так больно?

- Да.

В коридоре под лавочкой стояли кроссовки, на стуле рядом сидела бабушка девочки.

- Кто с тобой приехал? – слышался из-за двери голос врача.

- Бабушка.

- А родители?

- Мамочка умерла... все.

Бабушка тяжело вздохнула. Я отправилась вновь к месту первой помощи. Врач серьезно смотрел в какие-то бумаги, а потом сказал: «Идем на УЗИ».

- Но мы ведь не имеем право...

- Оказываем помощь, - серьезно прервал доктор. – Трансбдоминальное УЗИ, анализы.

- Собралась? – увидела меня медсестра.

- Да. Муж привезет до семи распечатанный полис и переодеться.

- Пока выдадим наше. Хорошо?

- Хорошо.

Мы поднялись на второй этаж. Медсестра открыла шкаф.

- Вот вам наши Гучи, - положила она мне в руки цветастый длинный халат. – А вот вам наши Дольче Габбана, - сверху положила белую хлопковую сорочку.

- Это ваша палата, - палата №4.

- Здравствуйте, - поздоровалась я со своими однопалатницами.

- Здравствуйте, - мрачно ответили три женщины из-под белых одеял. Много раз звонила мама. Я принялась перезванивать и тревожно ждать пакет.

Когда вещи были в палате, моральная поддержка оказана и продуман план действий, пришла медсестра.

- Катетер сменим?

- Он нормально еще.

- Если что, говори.

Мне поставили капельницу. «Гучи и Дольче Габбана» душевно запали в душу, так что переодеваться в привезенные вещи я пока не стала. Сняв цветастый халат, осталась в белой рубашке. Расстелила белое постельное на белой больничной кровати или «койке», и слилась со всем этим под протяжный скрип пружин. Волна боли пронзила бедро. Мне поставили капельницу, и я, наконец, уснула. Снились двенадцатилетняя девочка и ее бабушка. Проснувшись, подумала о своей маме и о том, что буду вести этот дневник до самой выписки. Больничные хроники, заметки или как их назвать потом: этого еще не знаю.

- Всем привет! – справа громко заскрипела кровать.

Капельница почти закончилась. На часах шестой час вечера. Немного болела голова, было очень жарко и кое где мокро, но больше ничего. Ничего больше не болело. Как же хорошо.

- Меня Вероника зовут! – звонкий громкий радостный голос и еле уловимое бурчание в ответ.

«Женя»

«Ангела»

«Надежда»

- А ты чего такая грустная?.. Чего она такая грустная?

- Замученная.

Пришло осознание. Грустная и замученная – это я.

- Яна, - имя свое получилось выговорить с трудом. Очень хотелось воды и в туалет, но капельница еще капала. Приоткрыв глаза, обнаружила себя в полумраке больничной палаты, стены которой разделены сверху донизу мятным и белым цветом, а также четырех соседок по палате. Вероника сидела довольная, рыжая, в розовом плюшевом халате с плюшевыми заячьими ушами на капюшоне. Справа от Вероники на кровати лежит тучная взрослая дама в черном халате с серебристой кошкой. В тот момент она медленно цедила из кружки воду. Слева от Вероники располагаются две кровати с беременными женщинами. Каждой из них на вид лет 30. Они чем-то похожи и в то же время абсолютно отличаются друг от друга, как голубика и черника, как кофе и какао, как пиво и квас. А я, кажется, хочу есть...

В продолжение о похожих друг на друга женщинах. Та, чья кровать располагается у стены, при нашей первой встрече сохраняла сдержанное молчание, гордо всматривалась в телефон и игнорировала Веронику. Вторая же, что находится между Вероникой и своим двойником, недовольно сверлила Веронику взглядом.

- Ох, девчонки, - весело продолжала знакомство Вероника. – Знали бы вы, какой у меня трындец. Анжел, вот скажи

ты мне, - обратилась она к недовольно смотревшей на нее женщине, - все тесты показывают, что я беременна, а на УЗИ ничего не видно!

- А сколько задержка? – Ангела говорила так, будто этот разговор ей не нравился. Однако зашевелилась, села на кровать, и выражение лица ее свидетельствовало об интересе к проблеме новой соседки. – Ничего синтетического? – указала она на флакончик, который Вероника проворно достала из своей красной сумки.

- Нет, - ответила Вероника.

- А то гляди! Женька нам тут устроит, - Ангела улыбнулась.

- Да уж, - отозвалась двойник Ангелы, лежащая на кровати у стенки. – Все будете в коридоре сидеть. Заблюю.

Вероника громко расхохоталась. Её звонкий детский смех поддержал низких побрякивающих хохот женщины, лежащей на кровати справа. Имя этой женщины, методом исключения, Надежда.

- Задержка 4 дня. Но просто у меня все тесты положительные, а плод не видно. Или он еще не спустился. Не знаю, короче. Либо беременна, либо внематочная. Да мне все одно. Все равно с мужем разводимся.

- Из-за чего? – Женя отложила телефон.

- Ну а че? Мы уже две недели как разъехались, и тут я узнаю, что беременна. Этот товарищ мне и сказал, что если не беременна, он со мной запросто разведется, а если бере-

менна, то он разводиться не будет, чтобы дарственную на половину дома оформить на ребенка.

- А почему после развода нельзя подарить половину дома? – Анжела нахмурилась. – Я ничего не понимаю. В общем, ты забеременела, когда уже решила разойдись с мужем.

- Типа да. Нафиг он мне нужен. Без него как-нибудь. А дом его в любом случае будет ребенка. Если ребенок будет вообще, - Вероника подскочила на кровати и спустила ноги на пол. – Домой хочется.

- Тебя еще не скоро выпишут, - сухо констатировала Женья, опять погружаясь в телефон. – УЗИ не микроскоп. Пока будешь сдавать ХГЧ, скорее всего.

Вероника легла на кровать, вытянула ноги и принялась задумчиво смотреть в потолок. Анжела тяжело вздохнула и сделала тоже самое. В палате вновь наступила тишина.

Надежда то и дело с беспокойством посматривала на Веронику и через несколько минут заговорила.

- Вероника, а тебе сколько лет? – спросила она.

- Двадцать.

- Еще совсем малая, - с усмешкой заметила Анжела.

- Я рано повзрослела. Мама умерла, когда мне пять лет только было. Отец... Отец бросил. Нет у меня отца. Живу с бабушкой. Работаю с шестнадцати лет. Правда по специальности никогда не работала.

- А какая у тебя специальность? – спросила Анжела.

- Медсестра. Медколледж. Да ну его. Все эти деды да баб-

ки. Скучно.

- Привыкаешь, - сказала Женя. – Я вот в аптеке работаю. Раньше тяжело было, а потом привыкла. Медсестрам платят сейчас хорошо и людям помогать все ж таки.

- Не, - Вероника вновь завертелась, подпрыгнула и уселась сверху кровати, скрестив ноги. – Я в магазине работаю. Давно уже. Мне все нравится вообще. Только директор у нас никогда не смотрит за магазином, а приёмщица... такая сука. Бывает, заставит нас, чтобы сами принимали товар. Учимся на ходу. И за нее, и за себя делаем.

- А добавляют зарплату за это? – возмутилась Анжела. Женя тоже положила телефон и нахмурилась.

- Ага. А потом догоняют и еще добавляют.

- Надо ставить ее на место – продолжала негодовать Анжела.

- Поставишь ее. Она тех девочек, которые ей перечат, знаешь как выживает? Одну девчонку чуть со сменой не подставила. Ревели от нее в кладовой весь обед.

- Уволься, - Анжела начинала злиться на эту неизвестную ей приемщицу.

- Мне нормально, - Вероника теперь словно бы успокаивала свою собеседницу. Я подумала, что, должно быть, она поняла возможность влияния гормонов на эмоциональное восприятие Анжелы. – Платят хорошо. К дому близко.

- Так вы разводитесь из-за дома? – спросила Женя.

- Мы разные люди. Он мне говорит, что с ребенком развод не дам, пока дом не подарю, а без ребенка точно развод. А я ему говорю, что разведусь через суд все равно.

- А ему сколько лет? - спросила Анжела.

- 22. Я уже и не хочу этого ребенка с такими пирогами. Лучше уж внematочная.

Женя встала, взяла с тумбочки пачку влажных салфеток, зарядку для телефона и вышла из палаты.

- Да... - вздохнула Надежда. - А у меня третий ребенок должен был родиться. И замершая.

- Переживаешь? - Вероника мило нахмурила брови и поджала губы.

- Конечно. Страшно терять ребенка.

- Так ведь он еще не родился, - лицо Вероники приняло выражение смущенного вопроса. По лицу Анжелы она поняла, что сказала не то. - То есть...

- Он еще не видел наш мир, но для меня это ничего не меняет. Родился или еще только готовился родиться: он мой ребенок.

К началу пятого вечера Анжела и Надежда уснули. Женя тенью проскользнула в палату, легла на кровать и принялась рассматривать потолок. Вероника листала видео в интернете, поэтому медсестра пришла забирать мою капельницу под веселую музыку.

- Девочки, ужин! - крикнули в коридоре. Этаж зашевелился.

- А вы чего загрустили? - воскликнула Вероника, увидев лицо Надежды.

- Нет аппетита.

- Аппетит приходит во время еды! - она вскочила на ноги и героически встала посреди палаты. - Вставайте, вставайте!

- А где твоя тарелка? - спросила Анжела у Вероники.

- А там не выдают?

- Нет.

- Я тебе дам одну свою тарелку, - Надежда протянула прозрачную глубокую миску. - На ужин все равно только второе.

По коридору мы шли маленьким отрядом из четырех человек.

- А говорят, в больнице плохо кормят! Да тут «все включено». Лучше, чем в Турции! - Вероникина очередь подхо-

дила к окошку раздачи. В меню была рыба. - Ммм... морепродукты!

- Хватит болтать — командовала повар.

— А это я вас так очаровываю, чтобы вы рыбки положили побольше.

— Меня очаровывать не надо. Я тут и так давно уже очарованная.

Очередь рассмеялась, а повар все-таки положила Веронике два кусочка рыбы. Наша команда ела в палате, поэтому мы засеменили с тарелками обратно к себе, вспоминая очарованную повариху.

Среда

Это утро началось со сдачи анализов. Потом объявили завтрак.

- Можешь взять обе тарелки, - сказала Надежда Веронике.

- Мне есть все равно нельзя.

- Как? - воскликнула Вероника. - Вообще? Вообще нельзя есть?

- Да у нее операция утром, — Ангела недовольно закатила глаза. - На обед тебе тоже нужны будут две тарелки.

- Ничего страшного - отмахнулась Вероника. - Я суп все равно не люблю. Бабушка завтра сможет приехать и передаст тарелку, ложку там...

- Я попрошу мужа. Он привезет, - сказала Ангела.

- Да ну не надо!

- Ему не трудно.

- Я ушла, - сообщила Женя.

Мы поспешили вслед.

- Я вам бутерброды возьму! - пообещала Вероника Надежде.

Завтрак по традиции переместился в палату. После него пришел лечащий врач. Мне опять поставили капельницу. Вероника включила пошлые анекдоты на телефоне. Мы зависли между возмущением и хихиканьем.

- Выключи, - попросила Женя.

- Как насчет «Сватов»?

- Как хочешь.

- Надежда, идемте, - позвала медсестра.

Надежда тяжело вздохнула.

- Снимайте сразу нижнее белье, - добавила лечащий врач.

Медленно Надежда начала собираться.

- Волнуешься? - спросила Вероника. - Все хорошо будет.

- Спасибо, - ответила Надежда ей и нам.

Она ушла, и мы погрузились в задумчивое прослушивание «Сватов».

После завтрака продолжились процедуры. Катетер из вены извлекли еще вчера. Молоденькая медсестра с ужасом обнаружила его отсутствие.

- У вас катетера нет? - Она только заступила на смену, а предыдущая строгая медсестра в чепчике приняла решение снять катетер еще прошлым вечером.

- Нет катетера, - ответила я с сочувствием к медсестре и своим венам. В выражении лица должно быть недавно студентки слишком хорошо считывалось замешательство.

- И у нас больше нет, - слабо улыбнулась молоденькая медсестра.

Начался поиск вен.

- У вас с венами проблемы?

- Не было до этого.

Укололи три раза, но совсем не больно.

- Простите, что помучила вас.

- Все хорошо. Спасибо.

Капельница начала капать. Вероника и медсестра то и дело следили за ее содержанием.

- Пузикова! - крикнули из коридора.

- Это я! - откликнулась Анжела.

- Вам пакет.

- От кого?

Женщина, доставлявшая пациентам продукты и вещи «с Большой земли», заглянула в нашу палату.

- Мужчина такой высокий. Плечистый. Брюнет.

- Муж, - Анжела ухмыльнулась.

Она взяла пакет, поставила его около кровати и достала оттуда две тарелки, столовые приборы и кружку. Тележка с провизией отправилась дальше по коридору.

- Держи, - протянула Анжела посуду Веронике.

- К тебе еще кто-то должен прийти? - спросила Вероника, принимая помощь.

- Да. Чтобы мужа не гонять туда-сюда, попросила другого принести мне еще черешни.

- Другого мужа? - рассмеялась Вероника.

- Почему же мужа? Любовника.

Вероника сразу стала серьезной.

- Как? А ребенок?

- Мужа ребенок.

- А если...

- И никаких если. У мужа на стороне тоже дети имеются.

И ничего.

- Но это неправильно.

- Правильно так, как я решила.

- Не знаю... - обиженно сказала Вероника. - Я вот со своим точно разведусь. Нафиг он мне такой не нужен.

- А при чем тут ты? - вдруг заговорила Женя, которая до этого казалась полностью погруженной в чтение книги. - Тут уже дело не в тебе, а в вашем с этим парнем будущем ребенке.

- А что ребенок? Рома мне сам условие поставил: если нет ребенка, так и я ему не нужна.

- Никто и не заставляет вас жить вместе, - продолжала Женя. - Но раз уж так вышло. Тарелку позволь принести себе, фрукты, белье, деньги врачу дать.

- Женя! - одернула ее Анжела.

- Ну а что? Кто-то годами бьется, чтобы зачать, а кому-то бог дал, а они не то что бороться не хотят, перекидывают его, еще не родившегося, как мячик.

- Как кто решил, так и правильно - отрезала Анжела.

- Конечно.

Женя отвернулась к стене. Мы все переглянулись.

- У каждого своя боль, - сказала Вероника, легла на кровать и погрузилась в просмотр коротких видео на телефоне. «Однажды, - звучало одно из них, - у Валеры зазвонил телефон. «Алло» ответил Валера».

В начале одиннадцатого пришел лечащий врач. После об-

хода Надежда отправилась на операцию. Мы слышали грохот каталки и требовательные реплики врача, затем все утихло. После обеда Надежда вернулась в сопровождении пожилой медсестры.

- Я помогу! - вскочила Вероника.

- Сиди, - скомандовала медсестра. - Опирайся - тихо обратилась она к Надежде.

- Вот так вот. Хорошо, милая.

Надежда медленно вытянулась на кровати. Медсестра накрыла ее белым больничным одеялом.

- Лежи тихонечко. Проснешься, будем делать капельницу.

Медсестра ушла. Эту медсестру все уважительно называли Татьяна Михайловна. Её имя я часто слышала как призыв о помощи. Врачи почтенно улыбались ей, а пациенты смотрели с обожанием.

- Девочки, почему не все медсестры такие? - спросила Вероника.

- Потому что медсестра - это призвание, - ответила Анжела.

- Ну да, - задумалась Вероника. - Тут не достаточно получить диплом. Я вот медсестрой работать так и не пошла. Боюсь морально не выдержать.

- Обед! Девочки, обедать, - кричали в коридоре.

- О! Хавчик! - улыбнулась Вероника. – Пойду покажу им свои новые тарелки, - она вдруг запнулась и стала серьезной.

- Наде тоже надо бы поесть принести. Девочки, поможете?

- Поможем - меланхолично протянула Анжела. Мы распределили посуду Надежды между собой и строем отправились за обедом.

После обеда нашу палату позвали на ЭКГ.

- Зачем нам ЭКГ? - негодовала Вероника.

- Девочки, поторапливайтесь, - просила молоденькая медсестра.

Мы поторопились. Лифт привез на этаж родильного отделения. Мы сели на скамеечку у кабинета ЭКГ.

- А там, - указала Вероника на голубоватый коридор, выглядывавший из-за больших полупрозрачных дверей, - там роженицы. Поскорее бы к ним.

- Ты же говорила «лучше бы внематочная», - сурово заметила Женя.

- Ребенок не виноват в наших с Ромой взаимоотношениях.

- Вот именно, - буркнула Женя.

- Не лезь ты не в свое дело, - сказала Анжела.

- Антохина! – пригласила врач, и Вероника поспешила на процедуру.

Когда она вышла обратно, очередь попросили подождать. Вероника начала внимательно всматриваться в выданное ей заключение.

- Ты там что-то понимаешь? - усмехнулась Анжела.

- Ды нет, - задумчиво отвечала Вероника. - Тут просто написано, что мне 30 лет. А мне 20.

- Надо пойти сказать, - предложила Женя. Мы кивнули

в знак солидарности. Следующей позвали меня. В кабинет зашла вместе с Вероникой.

- Что такое? - поинтересовалась врач.
- Вы мне написали тут 30 лет... А мне 20.
- Ой! Давай скорее, переделаю. Хорошо, что сказала.
- Ну, главное, чтобы в журнале правильно записали, - рассмеялась Вероника.
- Прибавила 10 лет! Надо же! Но в журнале записала все верно.

Вероника довольная вышла из кабинета. Я легка на кушетку.

- А вам сколько лет? - спросила врач.
- 30.
- 30, - внимательно она вписывала в бланк на компьютере.
- А то и вам прибавлю 10 лет.
- Главное - здоровый образ жизни.
- Нет, знаете, 10 лет – это, прежде всего, время. Драгоценное время! Можно столько всего успеть. У вас дети есть?
- Нет.
- Беременны?
- Не беременна.
- Ну так за эти десять лет можно человека родить и воспитать.

Мне сделали процедуру, и я вышла к своим сопалатницам.

- А ты чего сидишь? - спросила я Веронику.

- Мы решили всех ждать! - радостно сообщила она.

- Ты решила, - буркнула Женя.

Я поддержала Веронику. Мы теперь ждали вместе. После процедуры с нами осталась ждать и Женя. На ЭКГ отправилась Анжела. Из кабинета напротив вышла хмурая и обычно хамоватая медсестра, ходившая по нашему отделению в чепчике. Мы же ее тогда увидели одетую в синюю футболку, джинсы, с распущенными, и медсестра в чепчике оказалась блондинкой с роскошными кудрями до плеч. Она прошла мимо нас, вдаль по коридору. Вернулась через несколько минут в кабинет, держа в руках стаканчик кофе. Дверь осталась открытой. Медсестра говорила по телефону. Мы вынуждены были подслушать ее разговор. Сопротивляться оказалось невозможным, разве что заткнуть специально уши, но мы в тот момент не догадались.

«У меня ребенок поступает. Гемоглобин плохой!» - слышали мы голос медсестры из кабинета. – «Я не ушла. Предупредила».

Последовала пауза. Ей что-то отвечали.

- Начальство ругает, - шепнула Вероника.

Из лифта вышла рыжая медсестра, стройная, высокая, в идеально белом халате и черных туфлях на сплошной подошве. Она зашагала по коридору, прошла мимо нас и остановилась у кабинета, где сидела хамоватая медсестра обычно в чепчике. Заглянула к ней.

- Ты здесь? А то ты хитренькая. Мы вчера тебя потеряли.

- Можно было написать, а не звонить сразу начальству.

- Да ладно тебе!

И вышедшая из лифта рыжая медсестра, довольная собой, ушла вдаль по коридору. Из кабинета слышались рыдания.

- Несчастливая, - заключила Вероника.

Анжела вышла из кабинета.

- Что вы тут? Сидите.

- Сюрприз-и-из, - улыбнулась Женя.

- Ты шутить умеешь? - воскликнула Вероника.

- Что там? - заметила Анжела наши любопытные выражения лиц.

- Идем. Сплетницы, - сказала Вероника.

- Вы посмотрите на нее! - вспыхнула Женя.

Дружно поспешили к лифту.

Возле палаты нас встретила медсестра, развозившая помощь «с Большой земли».

- Пузикова, опять вам, - протянула она красивый зеленый пакет с ромашками.

- О, этот от Вани, - определила Анжела и взяла пакет.

Женщина долго и с подозрением поглядела на нее.

- Что? - спросила Анжела.

- Отправитель пакета представился отцом ребенка - медсестра многозначительно подняла бровь.

- Он мало принимал участие, - Анжела забрала пакет и ушла в палату.

- Коллективное творчество, - пожала плечами Вероника и проследовала за Анжелой.

- Там воду горячую дали, - крикнула женщина нам вслед.
- Тоже мне коллективисты.

В пакете, как и планировала Анжела, находилась черешня. С нами охотно ею делились. Я получила свою порцию и поспешила занимать очередь в душ. Он находился в отдельной комнатке, рядом с туалетом и умывальниками. В каждой палате был свой умывальник, но иногда удобнее было чистить зубы здесь. Особенно рано утром, если остальные в палате еще спали. После душа стало радостнее жить. Я поняла, почему из душевой все выходили такими веселыми. Влияло ожидание. Ты возвращался в свою палату мимо еще немытой очереди, уже распаренный, мокрый, почти как кинозвезда. Но как только я дошла до двери палаты, радость улетучилась.

- Нет, пожалуйста! Только не это! Опять!

- Женя, это еще ничего не значит.

- Успокойтесь. Мы еще не знаем причины. Все, идем на осмотр. Вставайте. Вставайте же!

Навстречу мне вышел врач. За ним медсестра, та самая знаменитая Татьяна Михайловна. Она вела под руки заплаканную Женю.

- Господи, пожалуйста, - шептала Женя, держась за живот.

- Правильно, внучка, - говорила Татьяна Михайловна. - Вымаливай его, милая. Господь милостив.

Они ушли в процедурную. Я прошла в палату.

- Опять кровотечение, - ответила на мой молчаливый вопрос Анжела. - Это уже ее третий выкидыш.

- Еще не выкидыш, - возмутилась Надежда. - Подожди.

Поднялся ветер. Мы погасили свет и улеглись по кроватям. Начался ливень. Потоки дождя стучали по окнам. В коридоре медсестры боролись с вырвавшейся внутрь дверцей форточки. Я шла в туалет, когда маленький мужчина в красной футболке и джинсах, стоя на табурете, пытался вновь выставить створку форточки на борьбу с бурей. Вернулась в палату. Анжела ворочалась. Вероника смотрела «Сватов». Надежда вслушивалась то ли в сериал, то ли в непогоду. К полуночи Женя пришла. Татьяна Михайловна поставила ей капельницу и попросила проследить, когда та закончится.

- Я погляжу! - вскочила Вероника.

- Хорошо. Но пока можешь не торопиться, минут через 15 погляди.

Медсестра ушла. Вероника осталась стоять посреди комнаты, смотря на неподвижную фигуру Жени с распластанными в сторону руками и капельницей сбоку.

- Еще боремся, - ровным смиренным тоном сказала Женя.

Надежда одобрительно закивала головой. Дождь стал спокойнее, а ветер перестал бушевать, лишь тоскливо и тихо заывая под окном.

- Ну и славно, - хлопнула в ладоши Вероника.

- Включай своих «Сватов», - слабым чуть хриплым голо-

сом ответила ей Женя.

- Как нефиг делать! - обрадовалась Вероника, и мы все тоже обрадовались.

Капельницу забрали. Палата улеглась спать, но все никак не могла уснуть. На этот раз из-за удивленного храпа Надежды. Вероника еле сдерживалась от смеха и то и дело порывалась подойти к спящей. Женя после капельницы заметно повеселела и улыбалась в ответ на хихиканья Вероники. Храп и правда был забавным. Как бы повышаясь от низкой ноты к более высокой, он походил на удивленное «Что-о-о-о?». Вероника вытягивалась, прикладывала руки к груди, широко раскрывала глаза и рот: «Что-о-о-о?». Мы тихонько смеялись. Я решила привстать, чтобы лучше увидеть пантомиму. Кровать заскрипела, и Надежда вдруг перестала храпеть.

- Проснулась? - прошептала Анжела.

- Надя! - осторожно позвала Вероника. - Надюха!

Надежда тяжело задышала. Мы тревожно переглянулись.

- Может, медсестру? - шепнула Вероника.

- Подожди, - ответила Анжела. – Слышите?

Надежда тоненьким звонким голоском издала протяжный стон, а затем начала что-то бормотать про себя. Сперва все неразборчиво, а затем громче, отчетливее.

«Сынок, прости. Прости меня. Сын».

Мы замерли.

«Мам, ты не виновата. Так надо... Мам!»

- Охренеть, - прошептала Вероника.

- Тишш, - зашипела Анжела.

Надежда вновь тяжело задышала. Мы слушали ее длинные громкие вздохи и уже короткие, но такие же чуть писклявые стоны.

«Как ты там, сынок? - вновь прошептала Надежда. – Хорошо. И я тебя вижу». И она выдохнула через рот, словно испустила дух, а потом замерла на мгновение и вновь тяжело задышала.

В тишине палаты слышались всхлипы.

- Ты чего? - жалобно спросила Анжела.

- Ничего, - ответила Женя. Голос ее дрожал.

- Это сон ей снится, - объясняла Вероника твердым отчетливым шепотом. - Такое пережить, девочки.

- Я переживала такое, - сказала Женя. - Не просто сон это.

За окном ветер напоминал стоны Надежды. Дождь тревожно барабанил в окна палаты. Мне так казалось, что тревожно. Я и сама дрожала, и сердце мое стучало быстро, так что пришлось глубоко вздохнуть и начать представлять себе, что это не дождь, а в окна моих однопалатниц наконец-то стучат их долгожданные, счастливые аисты.

Четверг

Следующим утром Надежда проснулась до завтрака, бодрая и веселая. Мы же вставали с трудом.

- Доброе утро, страна! - поприветствовала Надежду Вероника. - Как самочувствие?

- Нормально, - улыбалась Надежда, стараясь нащупать на полу ногами тапочки.

- Что тебе вчера снилось? - спросила Анжела.

Надежда вопросительно посмотрела на нас.

- Не помню, - с подозрением ответила она. - А что такое?

- Ты с сыном говорила, - пояснила Вероника.

- И он тебе отвечал, - добавила Женя.

Мы рассказали Надежде о том, что случилось ночью. Большие темные глаза ее засверкали от слез.

- А я думаю, - сказала Надежда в завершение наших слов, - отчего мне так легко сегодня? Ибо, и слезы словно делись куда-то. А это ангел мой к Богу пришел.

- Девочки, завтрак!

- Сегодня рисовая каша! - напомнила Вероника. - И бутерброды с сыром.

Мы поспешили.

После обхода врача в нашу палату определили новую пациентку. Она тихо поздоровалась, поставила у кровати пакет и сразу отправилась за медсестрами. Долго ее не было: мы

успели пообедать и сходить «на уколы». Когда новая пациентка вернулась, мы начали знакомство. Она тихо и скромно представилась Леной, легла на кровать, достала телефон и позвонила.

Лена высокая блондинка лет сорока. С короткой стрижкой. Одета она была в черную сорочку до пола, чем удивила меня, так как выглядела стильно и выделялось на фоне наших белых сорочек, цветочков и кружавчиков. А еще у Лены был шикарный южный загар.

- Ало, - говорила она по телефону, - у меня угроза. Да я не знаю... Ничего не делала. Врач сказал, что это может быть из-за поднятия тяжестей. Я же пакеты носила. Да. Я пакеты из «Европы» несла, но там ведь не 10 килограммов... Ну, может, 5. Не знаю, - голос ее сорвался от подступивших к горлу слез. Она подавила их и продолжила шепотом. - Все хорошо, Вов. Справимся... Привозить до семи часов можно. Сын привезет... Да. Он завтра ко мне приедет. Хорошо. Как-нибудь, Вов. Я ночнушку взяла, тапки, но ни воды, ни посуды – ничего... Завтра ещё Настя должна приехать... Ну пусть он ему поможет, хорошо... Не знаю...

Она не выдержала и расплакалась. Вова говорил что-то и слова его успокаивали Лену. Вскоре она отвечала только ласковое, тоненькое «угу», а Вова все говорил и говорил, пока Лену вновь не позвали в процедурную.

Мы же все как-то не сговариваясь приняли участие в обустройстве Лены. Вода, тарелки, влажные салфетки и все, что

полагалось, были снесены нами к ее тумбочке за каких-то пол часа с небольшим. Ужин принесли в палату и поставили на ее тумбу. Негласным лидером оказалась Женя. Возможно, что в Лене она видела свою боль и в помощи надеялась найти себе исцеление.

Лена вернулась примерно к восьми вечера, когда уже завершал работу душ. Она взглянула на наши старания и улыбка мелькнула на ее лице как хрупкий луч солнца среди туч. «Спасибо, - поблагодарила она, - но мне теперь нельзя есть. Завтра чистка».

Мы поникли.

- У меня была замершая, - сказала Надежда.

- Тоже была чистка? - Лена вдруг оживилась и посмотрела на Надежду долгим вопрошающим взглядом.

- Вакуум.

- Но ты легко перенесла, - Вероника постаралась найти в этом плюс, но вышло неловко.

- Ну как легко? - грустно улыбнулась Надежда. - Если бы вы видели, как я на ступеньках перинатального рыдала.

- У вас первый ребенок? - осторожно спросила Женя.

- Второй, - ответила Лена. - Сыну семнадцать лет. Второй брак. У мужа детей нет.

- Понятно, - ответила Анжела. - Мужчины...

- Я сама хочу второго ребенка.

Молоденькая медсестра принесла Лене капельницу.

Вероника включила короткие видео на телефоне. «Не спе-

ши винить меня, - говорила героиня какого-то сериала — пока не побывал в моей шкуре». Вероника листала дальше.

«О любви мы знаем немного. Любовь - что груша. Она сладкая и имеет определенную форму. Но попробуйте дать определение формы груши!»

«Сибирь. В тайге, в брошенной деревне старик с внуком ждут отца мальчика, который вряд ли вернется. Муж с женой растят трех дочерей, и это единственное, что их еще связывает. Прошедший две кавказские войны капитан пытается найти свое место в мирной жизни. Судьбы этих героев переплетаются неожиданно и драматично. Им нужно снова и снова делать свой выбор, открывая в себе забытую человечность и сострадание. Милосердие выше справедливости»

Ночью Надежда, Лена, Анжела и Женя уснули. Я же усе-лась в кресле больничного коридора, чтобы не будить никого звуком клавиатуры, пока пишу эти заметки, да и свет в коридоре приятнее, да и поесть припасы из холодильника проще, холодильник ведь тоже в коридоре. Больничный коридор ночью - идеальное место для чтения книг и творчества. Параллельно заметкам читала «Братьев Карамазовых». Рядом шастали Вероника и еще одна девушка из соседней палаты. Они успели сдружиться и теперь прицепились к храпу, доносившемуся из палаты номер 5. Он напоминал им звук злившегося кота. Вероника поднимала свои волосы вверх, словно шерсть дыбом, и вместе со своей новой подругой еле сдерживалась от смеха. В книге Иван Федорович говорил Але-

ше: «Солидарность в грехе между людьми я понимаю, понимаю солидарность и в возмездии, но не с детками же солидарность в грехе, и если правда в самом деле в том, что и они солидарны с отцами их во всех злодействах отцов, то уж, конечно, правда эта не от мира сего и мне непонятна», когда вдали коридора показалась каталка. Точнее в начале мы слышали мычащие стоны, грохот колес и только потом в дверях появилась каталка, окруженная медсестрами. Впереди быстрым шагом шел дежурный врач.

Вероника и ее компаньонка юркнули в дверь туалета. Я замерла от звука стона, перераставшего в крик.

Из палат начали выглядывать пациентки. Каталку увезли в смотровую.

«Белла, уберите руки» громко звучал голос врача.

«Уберите руки, я не смогу вам помочь! Белла!»

Белла кричала, иногда выговаривая слово «Больно!»

В коридор выбежала медсестра, похожая на мальчика-подростка, и стала звать вторую, в чепчике.

- Перекись просит!

- Сейчас гляну. У нас один пузырек на сутки.

- Ищи!

Перекись все-таки нашли. Медсестра, похожая на мальчика-подростка, убежала обратно, в смотровую. Стоны Беллы из криков превратились в один сплошной вопль. Врач громко произносил названия препаратов. Медсестры бегали. От-

деление затаилась. Я же чувствовала себя ребенком, забытым на поле битвы. Вопль стихал, словно удалялся, и вот стало совсем тихо.

Началась возня. Беллу вновь увезли на каталке. Врач ушел следом.

Медсестра в чепчике, оставшись в отделении, зашла в служебный кабинет. Я машинально продолжила читать: «Иной шутник скажет, пожалуй, что всё равно дитя вырастет и успеет нагрешить, но вот же он не вырос, его восьмилетнего застрелили собаками. О Алеша, я не богохульствую! Понимаю же я, каково должно быть сотрясение вселенной, когда всё на небе и под землею сольется в один хвалебный глас и всё живое и жившее воскликнет: «Прав ты, господи, ибо открылись пути твои!» Уж когда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына ее, и все трое возгласят со слезами: «Прав ты, господи», то уж, конечно, настанет венец познания и всё объяснится».

Вернулась медсестра, похожая на мальчика-подростка. Она ушла в кабинет к медсестре в чепчике и там в потрясении между ними состоялся разговор.

«Никогда такого не видела. На семнадцатой неделе схватки и родила. 13 см ребенок»

«Мальчик хоть или девочка?»

«Он даже не разглядел»

Оцепенев от ужаса, я продолжала читать, словно потеряв контроль над жизнью и осужденная просто хотя бычто-нибудь делать: «Не стоит потому, что слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем, чем ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены? И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены».

Был второй час ночи, но из-за Беллы в нашей палате никто не спал. Поэтому я ушла из коридора, риска разбудить кого-то стуком кнопок больше не было. Да, стук походил на печатную машинку, если печатать приходилось от души, с энтузиазмов, я же стараюсь печатать еле прикасаясь к кнопкам, но звук все равно заметен и напоминает тиканье часов. Такая уж клавиатура... Ноутбук в отделении не разрешили, а клавиатура к телефону, которую привезли мне «с Большой земли», оказалась именно такой, какой она описана выше.

- Все пишешь? – спросила Анжела.

- Да. А что еще делать? – ответила я, поудобнее устраиваясь на кровати.

- Ну да, - Анжела повернулась на бок и сложила ладони под щеку. – Да и уснешь тут.

Мы услышали звуки приближавшейся каталки по коридору.

- Беллу везут, - сказала Надежда. – Родила, что ли. Почему тогда к нам?

Я рассказала о том, что слышала. Женя тяжело выдохнула.

- Наверное, в соседнюю палату, - рассуждала Надежда, прислушиваясь к звукам за стеной.

Белла стонала. С ней разговор вела медсестра в чепчике. Я узнала ее по голосу. Это ее плач мы слышали возле кабинета ЭКГ. Наша дверь и дверь в соседнюю палату были открыты. Так что звук хорошо распространялся. Стоило только закрыть дверь, и палата погрузилась бы в тишину.

- Может, закроем дверь? – спросила я.

Мои соседки не согласились. Признаюсь, мне тоже было интересно.

- Ну чего ты стонешь? – строго спрашивала медсестра у Беллы. – Тебе ж никто ничего не делает.

Стоны продолжались.

- Прекрати стонать, - продолжала медсестра. – Чего тебя разбирает?

- Да ей больно, - отвечал низкий женский голос.

- Вот именно, - шепнула нам Надежда.

Медсестра замолчала. Стоны оставались безответны, по-

том стали реже и, наконец, совсем прекратились.

- Позовете, как закончится капельница.

- А где наша тамада? – спросила Женя после того, как дверь соседней палаты хлопнула и мы погрузились в свои дела.

Был третий час ночи. Вероники в палате не было.

- Обход делает, - предположила я.

- На смене, - хихикнула Анжела.

- Давайте закругляться, - предложила Надежда. – Завтра еще капельница с утра.

Мы согласились и уже было улеглись, как вдруг из соседней палаты послышался голос Вероники.

«Дышите, Белла. Вдох.... Выдох... Вот так. Все будет хорошо».

Белла издавала редкие стоны, но потом начала что-то тихо отвечать. Вероника говорила с ней еще некоторое время, затем зашагала по коридору, сообщила медсестре о капельнице и вернулась с ней к Белле.

- Успокоилась, - заметила медсестра.

- Конечно, - недовольно отвечала Вероника. – Ей страшно.

- Ой ты господи. Пугливая какая.

- С вами не испугаешься.

- Поработай с мое, поймешь. Сюсюканьями твоими дела не сделаешь.

Медсестра ушла. Вероника вернулась к нам.

- Утро скоро, - сообщила Женя, как только Вероника вошла в палату. – Я буду писать на вас жалобы.

- Знаю, - тяжело вздохнула Вероника, закрыла дверь в палату и села на свою кровать. В полумраке был виден ее грустный силуэт.

- Чего ты? – шепнула я.

Запятую в этом разговоре поставил удивленный храп Надежды.

- Вы знаете, девочки, - задумчиво сказала Вероника. – Я, наверное, не правильно сделала, что пошла работать в магазин. Я хочу работать медсестрой.

- О! – воскликнула Анжела.

- У тебя получится, - подтвердила я. – Ты будешь хорошей медсестрой.

Заскрипели кровати. Мы погрузились в сон. С семи утра должно было начаться измерение температуры. На завтрак, подумала я, вряд ли кто-то явится. Белла, наверное, спит. Интересно, что или кто снится ей? И снится ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.